Вы можете сказать, что человек никогда не станет машиной.

А я вам отвечу, что лишь малейшая мысль отделяет его от этой структуры.

Генеральный фабрикатор Кейн (предположительно)

Магос Антигон не думал, что умрет таким образом.

Заводской комплекс был едва освещен изнутри. Единственная закопченная лампа отбрасывала тусклый коричневатый свет на обнаруженную магосом заброшенную мастерскую. Вдоль одной стены, вплотную друг к другу, стояли старые рабочие столы, заваленные ржавым оборудованием. С низкого потолка свисали остатки оборванных кабелей.

Антигон уселся у противоположной стены, чтобы закрепить поврежденный мотор сервоузла. Струйки красноватой от ржавчины воды сейчас же потекли с мокрого металла ему на спину. Ноги магоса ослабели до предела: без вспомогательных скоб, на которые подавалось питание, он уже не смог бы сделать и шагу.

Антигон был создан не для сражений. Он оказался здесь благодаря легкости, с которой управлялся с информационными системами. Он должен был проникнуть в сеть передачи данных Каэронии. Целью его поездки было опровергнуть ложные, по всей видимости, слухи о деятельности еретиков среди техножрецов планеты. Магос рассчитывал вернуться на Марс невредимым и заверить тамошнее начальство в отсутствии признаков святотатства в этом мире-кузнице.

«Первичная цель не достигнута», — подумал Антигон.

Внезапно он выпрямился. Казалось, голос доносился сразу со всех сторон. В мастерской, кроме Антигона, не было ни души, и все же рядом что-то происходило. Магос снова вытащил авторужье, но сразу же инстинктивно понял, что оружие ему не поможет.

— Еретики! — закричал Антигон, поднимаясь на ноги. — Вы можете спрятаться от меня, но Механикус все равно вас найдут! За мной придут другие! С Марса пришлют еще людей!

На крик магоса ответило только эхо, прокатившееся по пустынным мастерским.

Антигон осторожно шагнул в темноту, жалея о слабости своих сервоузлов. В мастерской точно никого не было, но они — они притаились где-то неподалеку. Они здесь. Магос понимал, что вряд ли выдержит еще одну схватку, однако не собирался легко сдаваться на милость еретиков. Если они хотят его убить, им придется потрудиться.

Придут другие. И тоже погибнут. Таков путь Бога-Машины.

Голос звучал совсем близко — можно подумать, что кто-то нашептывал Антигону прямо в ухо. В помещении должен быть кто-то еще. Или должно быть нечто, контролирующее механизмы в мастерской. Нечто вроде сервитора или духа машины, и достаточно сложное, чтобы воспроизводить голос. Но перед тем как остановиться на отдых, Антигон проверил мастерскую. Здесь не было ничего подобного.

Ничего, кроме его собственных механизмов усиления.

Умница.

Антигон бросил оружие и выхватил отвертку, при помощи которой ремонтировал свое тело. Еретики пытаются сделать с ним то же самое, что сделали с Ипсилон три-двенадцать. Они проникли в самые сложные его системы и пытаются контролировать. Или они полностью контролируют один из его сервоузлов, или заразили его машинным проклятием — набором хитрых самовоспроизводящихся команд, которые могут привести к самоуничтожению всю систему.

Какую систему? Магос Антигон, как и многие техножрецы, преодолевшие начальные ступени развития, обладал несколькими сложными системами усиления. Каналы передачи данных представляли собой наиболее легкие цели для поражения инфекциями. По крайней мере, еретики не добрались до его бионического сердца — иначе он бы уже давно упал замертво. Бионический глаз Антигона был разрушен, но контролирующие его сети еще остались, и они шли вдоль глазного нерва. Механоруки? Их импульсные сигналы подсоединялись напрямую к нервной системе. Бионическая рука? Интеллектуальная система фильтрации в горле и лёгких?

Ближе, ближе. Но еще недостаточно близко. Тебе известен путь Омниссии, попутчик. Его воплощение и сейчас говорит с нами, и говорит о твоей смерти.

Антигон вонзил отвертку в гнездо бионического глаза и выдернул системный узел из глазницы, заставив себя не обращать внимания на тупую, неестественно холодную боль, исходящую от разрушенной бионики. Глаз с чавкающим звуком вышел вместе с частью искусственной плоти и звучно шлепнулся на пол, забрызгав его кровью. Леденящий холод ударил по обнаженным нервам, и Антигон едва не потерял сознание.

Еще ближе.

Антигон, до головокружения ослабев от ужасной пульсирующей боли в лице, опустился на пол. Его естественная рука нащупала авторужье, и он приставил дуло к виску.

«Не дай им себя одолеть, — подумал он. — Они сделают тебя одним из них».

Даже если ты умрешь, попутчик.

— Пошли прочь! — в ярости заорал Антигон. — Вон! Вам приказывает Бог-Машина! Светом просвещения и по законам Марса я изгоняю нечистую силу из этого механизма!

Инженер-провидец, посланный в Имперскую Гвардию для обеспечения боеспособности военных машин, должен был знать заклинания изгнания наизусть. Но на Марсе, в центре культа, где Антигон проходил обучение, подобные вещи применялись крайне редко. Магос понимал, что с помощью только этих слов не уничтожит проклятие, но в данный момент у него больше ничего не было.

Если бы дело было в бионической руке, он бы вряд ли сумел отвести дуло от головы. Но нет, причина крылась где-то внутри него. И они были не в состоянии убить его сразу.

— Я изгоняю вас!

Антигон приставил дуло оружия к левому колену и выстрелил.

Левая нога ниже колена оторвалась и отлетела. Ураган боли, какой Антигону еще никогда не приходилось испытывать, взорвался в его теле и лишил сознания. Но та же самая боль вновь вернула его к действительности, крепко вцепилась в мозг и не отпускала. Антигон закричал, однако где-то в глубине сознания он услышал и крик вселившегося в него существа. Часть проклятия была уничтожена, а остальное бросилось в механизмы правой ноги.

Значит, инфекция угнездилась в системе питания его ног. Завладела цепями, передающими командные импульсы от нервов к моторам. Вероятно, Антигон заразился в самом начале работы — в то время, когда исследовал системные информационные сети Каэронии в поисках подозрительных утечек. А может быть, вредное влияние началось после ремонта нервных импульсных узлов несколько дней назад. Не исключено, что проклятие проникло в его систему в момент прибытия на планету. И еретики, прежде чем нанести удар, решили узнать, что магос здесь ищет…

В любом случае теперь он может одолеть проклятие.

Сердце Антигона работало с максимальной нагрузкой, забирая дополнительную энергию из всех остальных усилительных систем; его бионическая рука совсем ослабела. Кровь магоса была наполнена максимально допустимым количеством болеутоляющих средств. Антигон сумел отползти в сторону от кровавого месива обгорелой плоти и металла, еще недавно бывшего его ногой.

З-з-заставляяеш-ш-шь страдат-т-ть…

— Что, не нравится? — бросил Антигон, сплевывая кровь из прокушенной верхней губы. — А вы думали, сюда послали первого попавшегося, которого можно одолеть при помощи машинного проклятия? Нас на Марсе неплохо учат, машинный прыщ!

Н-н-не м-м-маш-шинпое п-п-проклятие… м-м-много х-х-х-уже… м-м-много хуже…

Холодные как лед когти информации царапнули Антигона по спине. Техножрец скорчился на полу, глаза заволокло белесой дымкой, в ушах пронзительно зазвенело. Он позволил холоду просочиться через сервоузлы в плоть, и тут шепчущий внутри голос задрожал от ярости. Вселившееся в магоса существо жаждало мести. Если раньше оно пыталось контролировать Антигона, то теперь стремилось его убить. Убить.

Антигон сосредоточился на охватившем его ужасе и постепенно, нерв за нервом, загнал страх обратно в дымящиеся сервоузлы оставшейся правой ноги. Затем попытался встать, но смог лишь ползти, волоча за собой искромсанный обрубок левой. И все же магос решил уйти из мастерской. Необходимо выбраться из этого тупика, где он может оказаться в ловушке. Возможно, удастся отыскать кого-то из рабочих, кто бы не отказался ему помочь, или найти более подходящее оружие. Все, что угодно, только не эта мастерская. Ведь инфекция или что-то еще, поразившее магоса, вероятно, может указать еретикам место его нахождения.

Для того чтобы воспользоваться или, да простит Омниссия, создать такое сложное машинное проклятие, требовались колоссальные резервы. Даже на Марсе нашлось бы всего несколько лиц, способных на подобные действия. Антигон даже думать не хотел, что пришлось совершить еретикам, чтобы овладеть такими мощными силами.

Звучавший в его теле голос превратился в тихое бормотание, доносившееся из сервоузлов. Антигон, стараясь не обращать внимания на боль, выбрался на длинную низкую галерею, разделявшую уровни полуразрушенного завода подобно естественной расселине. Ржавая вода каплями стекала с потолка на пол и собиралась в лужицы. Откуда-то снизу доносилась пульсация древней, мощной машины — возможно, одного из геотермальных теплоотводов, что приносили большую часть энергии, потребляемой на Каэронии. Антигон дотащился до того места, где потолок провалился внутрь, и увидел над головой красноватое зарево.

Бес-с-сполезно, техножрец… Они тебя найдут, они всегда находят… Я не единственный…

Антигон проигнорировал голос и подполз к наклонной плите упавшего потолка. Наверху виднелся не столь поврежденный заводской уровень, заставленный механизмами, между которыми змеились шипящие паром трубы. Где-то раздавались человеческие голоса. По мере приближения шум становился громче, слышались крики, стук машин и гудение генераторов — все признаки мира-кузницы…

Болеутоляющие средства, впрыскиваемые дополнительными железами Антигона, почти полностью подавляли боль в обрубке отстреленной ноги. Но они вливались в тело магоса в таком количестве, что окружающий мир казался ему далеким и тусклым. Каждый преодолеваемый метр изматывал Антигона, словно он бежал с предельной скоростью. И, кроме того, он постоянно пытался опереться на левую ногу, которой уже не было.

Он совершенно вымотался. Когда его вытащат с этой планеты, придется потратить долгие месяцы, чтобы очиститься от технопроклятия, а затем заменить все разболтавшиеся

сервоузлы. Магос представил себе госпиталь — суетящихся в коридорах сервиторов-уборщиков, полированную сталь операционных и паучьи лапы сервитора-хирурга. Он удалит ослабевшую плоть Антигона и заменит ее крепким металлом. И эксперты-бионики разберут магоса на части, чтобы сделать сильнее, чем прежде.

Антигон тряхнул головой, чтобы избавиться от видений. Он настолько устал, что начинал грезить. Если он не сумеет сосредоточиться, если позволит мыслям бесконтрольно блуждать где угодно, технопроклятие овладеет им и сгноит изнутри.

Он свернул за угол и увидел, что добрался до действующего уровня завода — полуразрушенного и опасного, но все же работающего. Несколько массивных штамповочных станков с грохотов формовали металлические детали и сбрасывали на движущиеся ленты конвейеров.

В надежде на помощь Антигон попытался отыскать кого-то из рабочих или из своих собратьев, техножрецов. Над конвейерной лентой, отходившей от сломанного станка, согнул спину один из сервиторов; его руки до сих пор выполняли несложные операции над деталями, которые давно перестали поступать. Антигон не стал связываться с сервитором. Даже если магосу хватит опыта изменить его программу и приспособить себе в помощники, машинное проклятие тотчас распространится на сервитора и заставит его разорвать Антигона в клочья.

Антигон сумел на оставшейся ноге подняться во весь рост, используя в качестве опоры платформу ближайшего станка. Машинное проклятие продолжало шипеть и плеваться, нашептывая оскорбления в его адрес. Он сильно повредил зловредное существо, но Антигону было известно, что подобные создания обладают способностью восстанавливаться. Вскоре оно снова попытается взять его под контроль.

Выглянув из-за станка, магос увидел поблизости еще несколько сервиторов. Но ни одного рабочего-человека. Рабочие были представителями самого нижнего класса любого мира-кузницы. Они почти не отличались от живых машин под управлением техножрецов и выполняли ту работу, с которой не могли справиться сервиторы. Это рабское сообщество было необходимо, поскольку именно из рядов рабочих набиралось большинство младших техножрецов. А в данной ситуации Антигон скорее мог довериться рабочему, чем собрату-техножрецу — вероятнее всего, пораженному ересью.

Сервиторы никак не отреагировали на ползущего по полу Антигона. Неподалеку показалась изрядно обветшавшая металлическая лестница: она уходила далеко вверх. Антигон в нынешнем своем состоянии не надеялся одолеть все ступени. Но попытаться сделать хоть что-то — все лучше, чем ждать охотящихся за ним еретиков в пустынном цеху.

Впадаешь в отчаяние? Теперь ты понял. Вся эта планета против тебя. Ты можешь спрятаться только среди самого последнего отребья и крыс. И что это за жизнь? Это не жизнь. Знаешь, сколько твоих собратьев мечтает к нам присоединиться, попутчик? И для них согласие не составляет никакой трудности.

— Заткнись, — бросил Антигон, карабкаясь по ступенькам винтовой лестницы. — Ты ничего не понимаешь. На тебе даже нет благословения Омниссии, тебя вообще не должно быть.

Я существую не благодаря Омниссии. Нет, это другой бог.

— Другого бога нет.

Правда? А как же насчет вашего трупа-Императора?

— Это два лица одного и того же божества. Омниссия для машин, Император — для его подданных.

Антигон сам себе удивился. С чего это он вздумал спорить с этим существом?

Надо же, какие наивные понятия. Как легко тобой управлять. Мой бог не такой. Мой бог — один из многих, из тех, кто служит Единственному концу. Будущему, которое есть Хаос…

— Прочь! — во весь голос заорал Антигон. — Прекрати эту ложь, еретическое отродье!

А ты начинаешь понимать, путник. Это не машинное проклятие, не техническая инфекция. Нечто более древнее и более сильное.

Демон…

Наверху возникло какое-то движение, сквозь шум машин послышались шаги и голоса. Голоса звучали слишком уверенно и властно, чтобы принадлежать рабочим, занимающимся своими делами. Антигон заметил и отблески света мощных фонарей, блеснувшие в окружающем сумраке.

Демон. Очередная ложь, все ради того, чтобы его смутить. Антигон старался сосредоточиться на поисках выхода. Оглядевшись, он заметил старый заржавевший грузовой подъемник. На панели управления еще мерцали лампочки, и машина, вероятно, работала. Антигон немедленно стал пробираться через весь уровень, надеясь, что шум машин скроет звуки его передвижения.

При помощи механорук он открыл проржавевшую дверь подъемника. Одной рукой подтащил к себе ружье, а другой уцепился за стену, чтобы не упасть. Углубление в спине, откуда Ипсилон три-двенадцать вырвал одну из механорук, было лишь одной из тысячи точек, откуда сквозь пелену болеутоляющих средств по всему телу растекалась тупая боль.

Антигон не без труда закрыл за собой дверцу и ударил наконечником механоруки по пусковой кнопке. Грузоподъемник задрожал и медленно пополз вверх. Антигон услышал снизу чьи-то

крики: преследователи догадались, что он сбежал на лифте. Заводской комплекс на такой глубине был полон тупиков и ловушек — так что лучше двигаться, чем ждать, пока его припрут к стене.

Антигон даже не знал, от кого он хотел спастись. Возможно, у них был охотничий сервитор с датчиками запахов, которые могли выследить его в самых грязных лабиринтах нижних уровней Каэронии. Может быть — и сервосканеры, уже настроенные на его жизненные показатели. Но магос не должен терять надежду. Колоссальный механизм Вселенной вращается по воле Омниссии, и механикум должен надеяться, что эта громоздкая машина сделает движение в его защиту.

Антигон прислонился к задней стенке подъемника. Мимо проплывали обветшавшие уровни цехов и мастерских, сжатые до невозможно тесных щелей в искореженном металле. Из труб охлаждения тянулись струи пара. Ручьи отходов и топлива сквозь трещины в металле просачивались вниз и питали подземные реки, затянутые радужной маслянистой пленкой. Тысячелетняя история промышленности намертво высекла свои следы в толще Каэронии. Закопченные руины, заброшенные плавильни, странные механизмы, возможно относящиеся к давно утраченным технологиям. Укромные поселения, где влачили недолгое существование беглые рабочие и одичавшие сервиторы. Покинутые часовни культа Механикус, давно замещенные величественными соборами и храмами на поверхности…

И где-то здесь зародилась ересь, ужаснее которой Антигон не мог себе даже представить.

Подъемник еще раз дернулся и остановился. Дверь открылась, и в кабину хлынул морозный поток. Антигон с трудом выполз, ощущая, как сильно понизилась температура окружающего воздуха, и помедлил, стараясь привыкнуть к сумрачному освещению. Оглядевшись, он понял, что попал на уровень, остававшийся нетронутым целые десятилетия, а может, и века. Здесь было довольно чисто, и бело-голубые лампочки на панелях управления давали достаточно света. Информационные машины — огромные конструкции из переплетенных кабелей и трубок, словно клубки сжатых металлических внутренностей, стояли длинными рядами. Толстые ребристые трубы системы охлаждения свисали с потолка, и очень низкая температура воздуха говорила о том, что эта система в полном порядке.

Собранные здесь машины принадлежали к архаичной технологии, остатки которой Антигон видел лишь в заброшенных районах Марса. Даже в самых приверженных к старым традициям мирах она давно вышла из употребления. Информация в этих устройствах хранилась и обрабатывалась в примитивной числовой форме, тогда как позже были повторно открыты и распространены новейшие способы обработки данных. Антигон даже не мог с уверенностью сказать, что представшие перед ним машины могут работать. Их было около тридцати — массивных и высоких свидетелей исчезнувшей технологии, нетронутых временем и, казалось, спящих. Пол в помещении тоже прекрасно сохранился: Антигон не заметил ни следов вредителей, ни признаков гниения, широко распространенных во всех нижних уровнях Каэронии.

— Хвала Повелителю Знаний,— инстинктивно прошептал Антигон, как это было принято у последователей Омниссии при встрече с такой древней и благородной технологией.

Но остановиться и воздать должное почтение духу машины он не мог, поскольку рядом не было требуемых ассистентов, а сам он нуждался в помощи и безопасном укрытии.

Придерживаясь механоруками за холодный металл, магос проковылял мимо нескольких информационных машин. Похоже, они способны ему помочь не больше, чем оставшийся позади грузоподъемник. Такие мощные устройства, вероятно, надежно защищены от всякого влияния. Вполне возможно, что и подъемник был когда-то закрыт — до того, пока рабочие не перенесли защитные экраны, чтобы использовать их в другом месте.

В лучшем случае Антигон мог надеяться на вентиляционные каналы. Но он вряд ли сумеет пробраться по узким переходам без одной ноги, да еще с гудящей от лекарственных средств головой.

Ближайшая информ-машина внезапно задрожала. Из нее вылетели клубы морозного воздуха, и внутри защелкал какой-то древний механизм, словно устройство готовилось к работе. Антигон отшатнулся от машины, не желая даже в таком плачевном состоянии оскорбить ее дух. Еще несколько машин ожили, замигав огоньками на панелях управления. Уровень энергии в помещении заметно изменился. Что-то повлияло на энергетические потоки, и Антигон был уверен, что это не случайно.

Неожиданно от дальней стены послышался металлический скрежет. Антигон заметил рассыпавшиеся искры; огоньки на табло нескольких машин гневно покраснели. Духи машин явно протестовали против грубого вторжения. Зал наполнился резким вибрирующим скрипом разрушаемого металла. Антигон укрылся за ближайшей машиной. Как жаль, что он лишен бионического зрения и не может разглядеть того, кто следом за ним проник на этот сумрачный уровень!

Неужели он действительно надеялся найти выход?

Выхода нет.

— Заткнись. Ты не демон.

Можешь сколько угодно себя обманывать. Я от этого становлюсь только сильнее.

В поле зрения попала огромная темная фигура, видневшаяся между машинами. Со сверла массивной бурильной установки, заменявшей одну из рук, еще сыпались искры. Это был сервитор — тяжелый рабочий экземпляр, обычно используемый в шахтах. Одна его рука предназначалась для бурения, вместо другой был установлен громадный пневматический молот. Широкое туловище целиком состояло из синтетических мускулов, контролируемых крошечной сморщенной головой. Она почти терялась между колоссальными плечами.

Сервитор был почти вдвое выше любого из людей. Он пробился сквозь рассверленное отверстие и покатился вперед на гусеничной платформе, оставляя за собой шлейф

маслянистого дыма.

Следом за ним появились и другие фигуры. В темных одеждах. Техножрецы. За их спинами Антигон заметил отблески ружейных фонарей техностражей — неизменных вооруженных охранников Адептус Механикус. Нет сомнений, что эти невежественные пехотинцы использовались еретиками.

Антигон отпрянул назад в надежде добраться до грузоподъемника. Но сервоузел правого колена заело, и магос упал на обжигающий холодом пол. Новый взрыв боли прорвался сквозь защиту успокоительных средств. Антигон вскрикнул, и техножрецы наверняка услышали его голос.

Попался.

— Пошел прочь! Верни мое тело! Если я погибну, ты тоже умрешь!

Беги, путник, беги! Такие, как я, никогда не умирают, только двигаются дальше. Все время двигаются, все время меняются…

Низкий свистящий голос произнес последовательность нулей и единиц — настоящий машинный код технис. Огромный сервитор-шахтер замер, лишь его сверло продолжало вращаться, а пневмомолот шипел сжатым воздухом.

Последовала еще одна тирада на наречии технис. Если бы авточувства Антигона действовали нормально, он перевел бы сообщение в одно мгновение, но теперь, из-за угрозы жизни, вся энергия поступала в бионическое сердце.

Даже в этом священном месте Антигон чувствовал себя нагим и беззащитным в ловушке у еретиков.

— Магос Антигон, — произнес все тот же голос, но в этот раз на низком готике.— Ты находчивый человек. Но все же ты лишь человек. Удивительно, что ты вообще нас обнаружил. И хотя у тебя нет ни малейшей возможности причинить нам сколько-нибудь ощутимый вред, после доклада о твоем провале с Марса могут прислать более компетентного человека. А потому другого пути нет.

Антигон прекратил всякие попытки скрыться. Его тело было уже наполовину парализовано.

— Они и так пришлют, — крикнул он, намереваясь стоически провести последние мгновения своей жизни и не уступить еретикам, как того требует Омниссия. — Если я не вернусь, они пошлют целый отряд диагностов. Блокируют планету. И будут уничтожать один город за другим. Вас все равно переловят.

— В самом деле?

Главенствующий техножрец выступил вперед. Его одежда темно-серого цвета, изготовленная из тончайшей ткани, струилась вокруг тела подобно воде. Капюшон накидки был откинут на спину, и Антигон увидел, что кожа верхней части лица натянута так сильно, что, казалось, на черепе осталась только пара сверкающих глаз. Нижней челюсти не было вовсе: на ее месте находилось гнездо тонких механорук. Они, подобно извивающимся щупальцам, свисали до самого пола. Из плеч техножреца вместо рук выступали пучки длинных металлических нитей. Они колыхались, как отростки подводных растений, и выглядели очень проворными.

Он двигался с какой-то невероятной грацией и был похож скорее на живое существо без костей, чем на машину, хотя тело техножреца было усилено явно лучше, чем у всех, кого видел Антигон.

— Скраэкос, — выдохнул Антигон. Предводителем еретиков оказался почитаемый архимагос, распоряжавшийся всеми информационными резервами Каэронии. Скорее всего, он непрерывно следил за Антигоном при помощи пикт-камер наблюдения и оборудованных сенсорами сервиторов. Он просто выжидал, чтобы выяснить, что именно обнаружил Антигон и что он намерен предпринять. Почитаемый архимагос совершенно точно знал, где находится Антигон и что он делает. С того самого момента, когда Антигон ступил на поверхность Каэронии, у него не было ни единого шанса спастись.

— И потому, — продолжал Скраэкос густым, как сироп, синтезированным голосом,— ты должен умереть. Ты слишком любопытен. И всегда придерживаешься правил. Опасное сочетание.

Антигон поморщился от боли и обхватил рукой приклад авторужья. С неожиданной для самого себя энергией он сумел поднять оружие и выстрелить.

Залп угодил в живот Скраэкоса. Техножрец даже не вздрогнул: он просто развел свои механоруки и взглянул на маленькую дымящуюся дырочку в одежде. Затем разочарованно покачал головой.

— Азаулатис, — произнес он.

Господин.

— Убей его.

Мир вспыхнул ослепительной белизной. Тело Антигона конвульсивно содрогнулось от боли, как будто сквозь него прошел электрический ток. Сервоузлы мгновенно раскалились добела, прожгли мускулы и опалили кожу. Он ничего не видел, ничего не слышал, ничего, кроме боли, не чувствовал…

Бионическая рука вырвалась из плечевого сустава. От нагрузки треснул металл сервоузла, а из глаза Антигона посыпались искры. Механоруки взметнулись вверх, бионическое сердце от болевого шока утратило ритмичность. Оставшиеся детали бионического глаза сами собой выскочили из черепа и рассыпались по полу, оставив в голове отверстие величиной с кулак. Машинное проклятие поразило всю систему усиления тела, вызвав саморазрушение. Как только оно доберется до бионического сердца, ему придет конец.

Бионическая рука вырвалась из плечевого сустава. От нагрузки треснул металл сервоузла, а из глаза Антигона посыпались искры. Механоруки взметнулись вверх, бионическое сердце от болевого шока утратило ритмичность. Оставшиеся детали бионического глаза сами собой выскочили из черепа и рассыпались по полу, оставив в голове отверстие величиной с кулак. Машинное проклятие поразило всю систему усиления тела, вызвав саморазрушение. Как только оно доберется до бионического сердца, ему придет конец.

Антигон молился. Боль — неотделимое свойство человеческого тела. Надо только отстраниться от боли, и тогда он сможет двигаться. Магос собрал всю свою волю и постарался призвать к повиновению оставшиеся сервоузлы, чтобы выиграть у машинного проклятия еще несколько мгновений. Затем приказал действовать одной из механорук. Эти органы присоединялись непосредственно к центральной нервной системе, и с ними управиться было немного легче. Ему требовалась только одна механорука.

Антигон, вскрикнув, ударил наконечником механоруки по табло ближайшей информационной машины и пробил древнее устройство. А потом замер.

Машинное проклятие, как электрический ток, выбрало путь наименьшего сопротивления. Оно покинуло дымящиеся сервоузлы, спиралью обвило механоруку и перетекло в информационную машину.

Антигон отдернул механоруку, пока проклятие не успело вернуться. Когда машинное проклятие забилось в машинных системах, древнее устройство задрожало; огоньки на панели покраснели, словно налились кровью. Но ловушка захлопнулась, и Антигон получил еще несколько секунд.

Он сознавал, насколько ужасный грех совершил, заразив скверной древнюю благородную машину. Не важно, что теперь произойдет, — Омниссия никогда его не простит. Но Антигон совершил грех не ради того, чтобы сохранить себе жизнь: для техножреца она не представляла особой ценности. Главное — это служение Богу-Машине. Антигон еще не до конца выполнил свой долг. Еретики должны понести наказание.

На Антигона обрушился ужасный удар: сервитор-шахтер своей дрелью пробил тело магоса до самого пола. Сверло, дойдя до брюшной полости, разбросало внутренности по всему помещению. Антигон не ощутил боли — он просто не мог больше ничего чувствовать. Он понимал, что его нервная система на грани разрушения. Он похолодел и оцепенел. Он был беспомощен. Физически он уже умер.

Сервитор поднял Антигона и швырнул его через всю комнату. Исковерканное тело ударилось об одну из информационных машин, на пол полетели обломки бионики, брызнула кровь.

Магос вновь заставил работать свои механоруки. В последний раз, во имя Омниссии. Это был последний шанс раскаяться — ведь он не выполнил задания и превратился в ужасного грешника.

Металлические наконечники коснулись корпуса древней информационной машины. Антигон ощутил старую, мрачную технологию, подчиненную флегматичному духу машины. Но теперь дух был возмущен нанесенными повреждениями и проклятием, поразившим его собрата. Антигон попросил прощения у духа машины, но так и не получил ответа.

Пневмомолот сервитора обрушился на голову и грудь Антигона и полностью вмял его в корпус машины. Кровь и обломки костей проникли в самое ее сердце.

Механоруки Антигона бессильно упали.

Существо, к которому Антигон обращался как к почитаемому архимагосу Скраэкосу, переместилось к остальным техножрецам. Они имели почти такой же облик, но явно ему подчинялись.

Сервитор-шахтер по-прежнему стоял над останками Антигона, в которых уже ничто не напоминало человеческое тело. Техностражи, в ржаво-красных костюмах, держа наготове отделанные медью лазганы, рассыпались по всему уровню. Но больше никого не обнаружили.

Антигон был единственным, кто знал.

Вероятно, он был прав. С Марса прибудут другие. Возможно, пришлют даже вооруженную миссию с полномочиями высших архимагосов или самого генерального фабрикатора. Но к тому времени, когда подобная миссия появится на Каэронии, никто — даже генеральный фабрикатор — не сможет ничего изменить.

— Хорошо, — произнес Скраэкос. Он обернулся к пришедшим с ним техножрецам, верным последователям Омниссии в лице его воплощения. — Братья. Верные. Праведные. Мы видели лик Бога-Машины. Все, о чем он нам говорил, сбылось. Значит, пришло время начать действовать.

http://tl.rulate.ru/book/30591/668679